

О единоверии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1870. № 2. С. 257-287.

О ЕДИНОВѢРІИ

(по поводу современныхъ толковъ литературы).

(продолженіе)

Второй вопросъ касательно единовѣрія, поднятый Московскою печатью, состоитъ въ слѣдующемъ: можетъ ли быть дозволенъ свободный переходъ въ единовѣріе изъ православія, какъ дозволенъ переходъ въ него изъ раскола? Г. Субботинъ говорить, что «такой переходъ не представляется ни нужнымъ, ни полезнымъ, однако же безусловный, рѣшительный отказъ не можетъ быть принятъ и постояннымъ правиломъ на подобные случаи, гдѣ касается дѣло не существенныхъ вѣры догматовъ». «Можно съ увѣренностію сказать, продолжаетъ онъ, что ни одинъ истинно и искренно принадлежащій православнои церкви съиць ея не изъявить желанія перейти въ единовѣріе, и что каждый, изъявившій такое желаніе, или наклоненъ былъ къ расколу, или уже держался раскола, хотя официально значился въ числѣ православныхъ... Такому лицу не дозволить перехода въ единовѣріе было бы едва ли справедливо и законно, во всякомъ случаѣ для самаго просителя крайне бѣдственно,

ибо это значило бы снова толкнуть его на путь раскола». По нашему мнѣнію, можно указать и другой исходъ дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь. Если обряды, содержимые православною церковью, болѣе правильны и древни, чѣмъ тѣ, кои существуютъ въ единовѣрїи, чего не отвергаетъ и г. Субботинъ, то, по долгу правды, лицу православному, изъявившему желаніе перейти въ единовѣрїе, т. е. къ обряду менѣе совершенному, хотя бы лице это и было «наклонно къ расколу», или даже втайнѣ уже «держалось» его, вмѣсто позволенія оставить православіе, можно и должно предложить увѣщаніе—быть твердымъ въ немъ, разумѣется, показавъ при этомъ сравнительное несовершенство обрядовъ, допущенныхъ въ единовѣрїи. Такой способъ дѣйствования въ отношеніи къ православнымъ, изъявившимъ почему либо желаніе перейти въ единовѣрїе, будетъ сколько справедливъ, столько же и законенъ, такъ какъ онъ указываетъ православнымъ пастырямъ самую властію церковною. Когда въ 1803 году въ св. синодъ поступила просьба повѣреннаго отъ старообрядцевъ разныхъ селеній Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи, о дозволеніи имъ устроить въ деревнѣ Чуняткиной вновь церковь, съ опредѣленіемъ къ ней особаго священника съ причтомъ, для отправленія священнослуженія и требъ по старопечатнымъ книгамъ, и когда, по произведенному Сычевскимъ духовнымъ правленіемъ слѣдствію, открылось, что изъ числа просителей только 23 человека были записные раскольники, прочіе же, «не бывъ дѣйствительными старообрядцами, только по слабумію своему, колеблясь въ исповданіи вѣры, приступили къ прошенію о дозволеніи построить имъ цер-

ковъ», для совершенія въ ней службы по стариннымъ обрядамъ, — св. синодъ отказалъ просителямъ, предписавъ въ то же время смоленскому епископу, чтобы онъ «колеблющихся въ правовѣрїи крестьянъ старался, сколько возможно, чрезъ искусныхъ священниковъ, а иногда и самъ, посѣщая ихъ, вразумлять въ ихъ задлужденїи и приводить на путь истины» (Собр. постановл. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 27—30). Въ 1857 году въ Олонецкой губерніи открылось множество, такъ называемыхъ, тайныхъ раскольниковъ, т. е. такихъ, которые числились православными, а на самомъ дѣлѣ принадлежали къ расколу. причемъ было объяснено мѣстному преосвященному, что раскольники эти «не иначе могутъ быть уврачеваны, какъ дозволенїемъ имъ присоединиться къ единовѣрческой церкви», чего нѣкоторые изъ нихъ и желали. Преосвященный Аркадій, согласно съ заключенїемъ консисторїи, призналъ возможнымъ «безъ всякаго сомнѣнїя причислять къ единовѣрческой церкви» только тѣхъ изъ тайныхъ раскольниковъ, кои болѣе 15 лѣтъ не были у исповѣди и св. причастїа «по расколу»; всѣхъ остальныхъ, кои не были у исповѣди менѣе 15 лѣтъ, велѣлъ вразумлять и убѣждать—однихъ въ теченїе мѣсяца, другихъ въ теченїе полгода и т. д. и о послѣдствїяхъ убѣжденїй доносить епархіальному начальству; съ тѣми же, кои не были у исповѣди до 5 лѣтъ, опредѣлилъ поступать на точномъ основанїи 17 и 21 ст. Устава духовныхъ консисторїй, т. е. увѣщевать и, въ случаѣ упорства, доносить о «преслушавшихъ церковь» гражданскому начальству. А св. синодъ, на усмотрѣнїе котораго были представлены эти предложенїя, не только

утвердилъ ихъ, но еще поручилъ преосвященному сдѣлать распоряженіе, чтобы, при присоединеніи къ единовѣрью тайныхъ раскольниковъ, поступаемо было «со всевозможною осмотрительностію» (Тамъ же стр. 754—757). И это понятно. Власть, какъ свѣтская, такъ и духовная, въ отношеніи къ такъ называемымъ тайнымъ раскольникамъ постоянно держалась и держится одного правила: увѣщевать ихъ — принадлежать къ церкви православной, не стѣсняясь никакими сроками, до тѣхъ поръ, «пока они не обратятся къ истинѣ», или пока «не получится твердое убѣжденіе въ ожесточенномъ уклоненіи ихъ отъ церкви» (Тамъ же, стр. 486, 518—19, 555 и др.); что, также не можетъ быть ограничено никакимъ срокомъ.

Есть и другая сторона дѣла, которая на вопросъ: можетъ ли быть дозволенъ переходъ въ единовѣріе изъ православія? заставляетъ дать отрицательный отвѣтъ. Не споримъ, что обряды вообще несущественны въ дѣлѣ вѣры, что въ частности обряды, содержимыя единовѣрцами, не лишаютъ ихъ надежды на спасеніе; тѣмъ не менѣе несомнѣнно и то, что церковь православная имѣетъ право желать и заботиться, чтобы употребляемые ею обряды, какъ болѣе правильные и древніе, содержались всеми сынами ея и болѣе и болѣе распространялись въ массѣ самихъ старообрядцевъ. Между тѣмъ, дозволить свободный переходъ изъ православія въ единовѣріе, церковь стала бы дѣйствовать въ совершенно противоположномъ направленіи, сама, такъ сказать, стала бы разорять дѣло, устройство котораго стоило ей столькихъ заботъ и хлопотъ, и мало по малу — возвращаться къ тому порядку вещей, который еще въ половинѣ

XVII вѣка былъ признанъ ею ненормальнымъ. Можно ли желать этого? Правда, по словамъ г. Субботина, единовѣріе не отличается духомъ пропаганды, особенно въ средѣ православныхъ, и слѣдовательно нельзя опасаться, чтобы изъ православныхъ многіе захотѣли перейти въ единовѣріе. Но опытъ и официальные данныя говорятъ противное. Мы уже видѣли, что въ 1803 году многіе изъ православныхъ Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи, просили позволенія перейти въ единовѣріе, потому что были «обольщены» крестьяниномъ Егоромъ Лушнинымъ, или даже просто «смотря на другихъ», въ чемъ они и сознались, раскаявсь и пожелавъ «остаться при православной церкви и быть сынами ея навсегда». Въ 1848 году св. синодъ отказалъ единовѣрческому священнику г. Ярославля въ правѣ присоединять къ единовѣрью раскольниковъ, безъ разрѣшенія высшаго духовнаго начальства и безъ всякихъ справокъ и переписокъ, — потому, что при такомъ порядкѣ единовѣрческій священникъ легко могъ, по словамъ синода, присоединять и такія лица, которыя принадлежатъ къ православной церкви (Тамъ же стр. 462). Значить, бывали подобнаго рода случаи, если синодъ нашелъ нужнымъ сдѣлать указанное ограниченіе. А что слова наши не предположеніе только, а правда, хотя и горькая, это подтверждается даннымъ въ 1857 году Костромскою консисторіею, на имя управляющаго удѣльною конторою, отзывомъ, изъ котораго видно, что «нѣкоторые единовѣрческіе священники этой епархіи присоединяли къ единовѣрью лицъ, или недавно уклонившихся отъ православія, или даже вовсе не бывшихъ въ расколѣ» (Тамъ же стр. 749). Тоже въ свое

время замѣчено было въ Костромской губерніи и чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, производившими въ началѣ 50-хъ годовъ разслѣдованія о расколѣ въ означенной губерніи (Истор. министер. внутреннихъ дѣлъ кн. 8, стр. 559). Мы сами знали одного единовѣрческаго священника въ Псковской губерніи, нынѣ уже запрещеннаго, который, ничтоже сумняся, записывалъ въ число своихъ прихожанъ-православныхъ, не смотря на всѣ запретительные указы епархіальнаго начальства. И если обратить вниманіе на то обстоятельство, что, по существующему порядку вещей, въ большинствѣ случаевъ въ единовѣрческіе священники опредѣляются лица, бывшія прежде сами старообрядцами, которыя, слѣдовательно, обряды, содержимые единовѣріемъ, считаютъ исключительно правильными и спасительными, то станетъ понятнымъ, что единовѣріе безъ пропаганды въ средѣ православныхъ даже и не можетъ обойтись, какъ понятно съ другой стороны желаніе и заботы православной церкви, считающей свои обряды правильными, чтобы единовѣрцы «ни въ чемъ въ перазиствующее согласіе пришли» съ нею.

Впрочемъ, все это—разсужденія, хотя и основанныя на такихъ данныхъ, которыя имѣютъ свое значеніе. Обратимся лучше къ положительному закону и посмотримъ, какъ онъ рѣшаетъ рассматриваемый нами вопросъ. «По правилу, говорятъ Московскія вѣдомости, прежде, чѣмъ возбранять переходъ изъ православія въ единовѣріе, слѣдуетъ разсмотрѣть, искренно ли принадлежитъ къ православію лице, изъявившее желаніе перейти въ единовѣріе, не есть ли этотъ православный только мнимый православный,

не принадлежит ли онъ внутренно къ расколу, и въ такомъ случаѣ не возбраняеть ему присоединенія къ единовѣрью». Какое правило имѣютъ въ виду въ этомъ случаѣ Московскія вѣдомости, мы не знаемъ; но намъ извѣстно, что законодательство наше, какъ церковное, такъ и свѣтское, положительно и безусловно запрещаетъ переходъ въ единовѣрїе лицамъ православнаго исповѣданія. Еще митрополитъ Платонъ на просьбу московскихъ старообрядцевъ: «старообрядцамъ, хотя и не записнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви. таковымъ не возбраняеть присоединяться къ церкви старообрядческой», отвѣчалъ: «а чтобы не возбраняеть присоединяться къ церкви, ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ *никогда* дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинства ея не принималъ... а въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ *никакъ* до таковаго присоединенія не допускать». Въ слѣдствіе ли особенной осторожности, какая требовалась по тогдашнимъ обстоятельствамъ въ рѣшеніи указанной просьбы московскихъ старообрядцевъ, дажь митрополитъ Платонъ вышеприведенный «крайне осторожный», отвѣтъ, или онъ указалъ «не всегда рѣшительно вѣрный признакъ для опредѣленія дѣйствительной, или только мнимой принадлежности къ расколу лицъ, числящихся православными», т. е. нехождение въ церковь и непринятіе таинства ея, — по какому-либо другимъ причинамъ, для насъ этотъ вопросъ не важенъ; мы беремъ отвѣтъ митрополита

Платона, какъ фактъ, и на основаніи его утверждаемъ, что, по мысли святителя, переходъ изъ *православія* въ единовѣріе можетъ быть дозволенъ только въ одномъ случаѣ, если изъявившій желаніе перейти въ единовѣріе никогда не былъ православнымъ, или другими словами: не можетъ быть дозволенъ ни въ какомъ случаѣ. Впрочемъ, судя по тому, что церковная власть въ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса строго держалась отвѣта митрополита Платона на 5 пунктъ—и послѣ, когда уже единовѣріе утвердилось, можно думать, что г. Субботинъ поступилъ едва ли справедливо, объяснивъ отрицательный отвѣтъ святителя «временными обстоятельствами». Какъ бы впрочемъ ни было, только несомнѣнно то, что мысль, высказанная митрополитомъ Платономъ, легла въ основаніе всего нашего законодательства относительно вопроса о томъ, можетъ ли быть дозволенъ переходъ въ единовѣріе лицу православному.

Въ 1802 году, прихожане николаевской церкви села Домшина, Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи, вошли въ св. синодъ съ прошеніемъ «о переименованіи упомянутой приходской ихъ церкви въ старообрядческую (т. е. единовѣрческую), или же о дозволеніи построить оную вновь, съ опредѣленіемъ къ ней священника». Такъ какъ просители, какъ оказалось изъ донесенія Вологодскаго преосвященнаго, состояли дотолѣ «въ благочестіи» и никогда прежде старообрядцами не были, то св. синодъ на томъ основаніи, что «именными Высочайшими указами дозволено давать церкви и особыхъ священниковъ, для исправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, тѣмъ только старообрядцамъ, которые

издавна удалились отъ сообщества греко - российской церкви и о которыхъ по изслѣдованію окажется, что они *никогда* до толѣ въ церковь православную не ходили и таинъ ея не принимали», отказаль просителямъ (Собр. постановл. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 16 — 17). Въ 1803 году, какъ мы уже говорили выше, нѣкоторые изъ православныхъ Сычевскаго уѣзда, оболыщенные раскольникомъ Лушинымъ, входили въ св. сѹнодь съ подобною же просьбою, на которую получили отказъ на томъ основаніи, что «именными Высочайшими указами 1798 марта 12 и 1800 годовъ октября 27 числѣ 5 пунктомъ повелѣно: позволять присоединяться къ старообрядческой (?) церкви тѣмъ только, о которыхъ по изслѣдованію окажется, что они никогда въ церковь православную не ходили и таинствъ ея не принимали, а въ церкви православной доселѣ бывшихъ никакъ до такового соединенія не допускать». Въ томъ же 1803 году св. сѹнодь согласился дозволить Екатеринбургскимъ раскольникамъ устроить церковь, для отправления въ ней службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, и дать имъ священника «съ тѣмъ однакожъ, чтобы симъ снисхожденіемъ пользовались единственно родящіеся отъ находящихся въ старообрядчествѣ, а вновь къ своему обществу никого не присоединяли бы», въ чемъ купца Толетикова, повѣреннаго старообрядцевъ, велѣно было «обязать подпискою въ Пермской консисторіи, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, поступленія съ нимъ по законамъ» (тамъ же стр. 35). Точно также въ 1807 году св. сѹнодь согласился на устройство единовѣрческой церкви для старообрядцевъ, находившихся въ Пермской губерніи при заво-

дахъ Демидова, но—при условіи, чтобы мѣстный преосвященный поручился, что «старообрядцы, желающіе имѣть церковь, суть не вновь, но издавна уже отторгшіеся отъ сообщества греко-россійской церкви, какъ о семъ предметѣ изображено въ 5 пунктѣ мнѣнія преосв. Платона, митрополита московскаго, въ 1800 году октября въ 27 день Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше утвержденнаго» (тамъ же стр. 64).

Впослѣдствіи времени, особенно въ царствованіе императора Николая Павловича, власть церковная начинаетъ нѣсколько ослаблять строгость 5 пункта мнѣнія митрополита Платона и иногда позволяетъ присоединять къ единовѣрью такихъ старообрядцевъ, которые *никогда* принадлежали къ православію, но—не безусловно, а съ большими ограниченіями. Въ 1832 году Пермскій преосвященный входилъ въ св. синодъ съ представленіемъ, въ которомъ испрашивалъ «разрѣшенія на присоединеніе къ единовѣрью тѣхъ изъ раскольниковъ, кои, бывъ нѣкогда православными, уклонились въ расколъ лѣтъ за 10, 20, 30 и болѣе и кои, послѣ сдѣланнаго имъ увѣщанія, не согласятся на безусловное присоединеніе къ православной церкви». Св. синодъ указомъ отъ 8 августа того же года предписалъ преосвященному, чтобы имъ употреблены были «всѣ возможныя мѣры увѣщанія тѣмъ изъ раскольниковъ, желающимъ оставить свое заблужденіе, кои, принадлежа нѣкогда къ православію, уклонились отъ онаго лѣтъ 10, 20, 30 и болѣе, дабы присоединились они прямо къ православной церкви; если же никакія увѣщанія къ тому не подѣйствуютъ, въ такомъ случаѣ присоединить ихъ, по желанію, къ единовѣрческой

церкви» (тамъ же стр. 250 — 1). Въ 1848 году, вопреки мнѣнію чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Алябьева—о дозволеніи священнику Ярославской единовѣрческой церкви «самоу по себѣ, безъ разрѣшенія высшаго духовнаго начальства и безъ всякихъ справокъ и переписокъ, присоединять къ своей церкви всѣхъ тѣхъ раскольниковъ, которые пожелаютъ у него исправлять духовныя требы», св. синодъ, согласно съ мнѣніемъ Костромскаго преосвященнаго, которому поручено было завѣдываніе Ярославскою единовѣрческою церковію, опредѣлилъ, что присоединеніе раскольниковъ къ единовѣрцію, по одному усмотрѣнію священника, не можетъ быть допущено, какъ несогласное съ 5 пунктомъ правилъ митрополита Платона, а равно и потому, что «при такомъ порядкѣ единовѣрческій священникъ легко можетъ присоединить и такія лица, которыя принадлежатъ къ православной церкви, а потому по правиламъ 1800 года, Высочайше утвержденнымъ, не имѣютъ права на присоединеніе къ единовѣрцію» (тамъ же стр. 461—5), хотя въ случаяхъ крайнихъ (напр. въ случаѣ тяжкой болѣзни) синодъ иногда и позволялъ отступать отъ этого правила (тамъ же стр. 466). Въ силу такихъ постановленій, епархіальные преосвященные съ одной стороны отказывали въ правѣ присоединиться къ единовѣрцію всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя не были у исповѣди и св. причастія «только за нераченіемъ» (тамъ же стр. 470), съ другой—для болѣе точнаго и безпристрастнаго изслѣдованія о томъ, не принадлежали ли просители когда-либо къ церкви православной, назначали особыхъ депутатовъ со стороны самихъ единовѣрцевъ, чего впрочемъ св. су-

водъ не одобрялъ (тамъ же стр. 491—2). Въ 1857 году протоіерей Ржевскаго Успенскаго собора Константиновскій, по поводу обращенія тамошняго раскольническаго молитвеннаго дома въ единовѣрческую церковь, испрашивалъ разрѣшенія себѣ и единовѣрческому священнику — принимать каждому въ свою паству изъявившихъ желаніе присоединиться къ церкви раскольниковъ, безъ предварительнаго представленія о томъ въ Тверскую консисторію. Св. синодъ, на усмотрѣніе котораго была предложена просьба протоіерея Константиновскаго, хотя и предписалъ *секретнымъ* указомъ Тверскому преосвященному, чтобы онъ сдѣлалъ распоряженіе о дозволеніи Ржевскимъ священникамъ принимать мѣстныхъ раскольниковъ, изъявившихъ желаніе присоединиться къ православной церкви, или единовѣрцію, безъ предварительнаго представленія о томъ епархіальному начальству, тѣмъ не менѣе замѣтилъ, что означенные священники «обязаны строго наблюдать, чтобы къ принятію единовѣрціи не были отнюдь допускаемы лица, принадлежащія къ православію» (тамъ же стр. 733). Тоже разрѣшеніе и съ тѣмъ же ограниченіемъ дано было въ 1857 году св. синодомъ и Костромскому преосвященному — также секретнымъ указомъ (тамъ же стр. 749—50). Въ 1858 году, въ слѣдствіе записки покойнаго преосв. Григорія, митрополита Петербургскаго, о мѣрахъ «для вразумленія заблуждающихся и удержанія истинныхъ чадъ церкви на пути правомъ», секретный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ, признавъ, что многія изъ указанныхъ преосвященнымъ мѣръ могутъ принести пользу, положилъ, между прочимъ, предоставить св. синоду «болѣе прежняго облегчить по-

рядокъ и условія перехода изъ раскола въ единовѣрiе, устраняя, по возможности, всякiя къ тому затрудненiя» (Тамъ же стр. 603). Мы не знаемъ, было ли что-либо сдѣлано св. синодомъ, по поводу указаннаго мнѣнiя секретнаго комитета о раскольникахъ, но намъ извѣстно, что и послѣ 1858 года до самаго послѣдняго времени епархiальные архiereи, на свои рапорты св. синоду — о желанiи присоединиться къ единовѣрiю кого-либо изъ уклонившихся въ расколъ, получали изъ него указы слѣдующаго содержанiя: «имѣя въ виду, что семейство крестьянина N., уклонившагося въ 1863 году въ расколъ, за всеми принятыми со стороны епархiальнаго начальства мѣрами убѣжденiя и вразумленiя, не желаетъ присоединиться къ православной церкви иначе, какъ на правилахъ единовѣрiя, — св. синодъ съ своей стороны не находитъ препятствiй къ допущенiю сего семейства въ нѣдра св. церкви на означенномъ условiи, съ тѣмъ, чтобы преосвященный, разрѣшивъ секретно единовѣрческому преподавать N духовныя требы, поручилъ въ то же время кому либо изъ благонадежныхъ священниковъ производить N отъ времени до времени кроткiя увѣщанiя о необходимости безусловнаго присоединенiя ихъ къ православию. Что же касается до предоставленiя епархiальному начальству права присоединенiя уклонившихся въ расколъ къ св. церкви на правилахъ единовѣрiя на будущее время, то св. синодъ, въ виду 5 пункта Высочайше утвержденныхъ правилъ митрополита Платона, не находитъ возможнымъ дать таковое разрѣшенiе». Замѣтимъ при этомъ, что одинъ изъ такихъ указовъ былъ посланъ св. синодомъ въ концѣ 1868 года Вятскому преосвящен-

ному. А послѣ этого намъ представляется болѣе чѣмъ страннымъ разсужденіе г. Субботина о томъ, хорошо ли и справедливо ли поступилъ преосвященный Аполлосъ, когда, при обзорѣннн своей епархіи, на просьбу одного *православнаго* позволить ему перейти въ единовѣріе, «тогда же далъ ему отвѣтъ, равносильный отказу», какъ заявлено было объ этомъ въ Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а равно и увѣреніе достопочтеннаго автора многихъ статей по расколу, будто преосвященный могъ отказать просителю не иначе, какъ предварительно изслѣдовавъ, ходилъ ли онъ (т. е. православный-то!) дотогѣ въ православную церковь и принималъ ли ея таинства, да и въ такомъ случаѣ, отказавъ, онъ поступилъ бы только согласно съ *буквою* закона. Изложенныя нами постановленія св. синода показываютъ, что законъ на сторонѣ преосвященнаго и что онъ и не могъ поступить иначе, чѣмъ какъ поступилъ, исполняя законъ такъ, какъ должно его исполнять, т. е. слѣдуя буквальному его смыслу. Указаніе на примѣръ покойнаго преосвященнаго Филарета, который, по увѣренію г. Субботина, иногда присоединялъ къ единовѣрческой церкви раскольниковъ, *числившихся православными*, едва ли въ этомъ случаѣ можетъ имѣть серьезное значеніе. Во первыхъ, скажемъ словами г. Субботина, «по частнымъ примѣрамъ нельзя произносить сужденія» о вопросѣ, которымъ мы занимаемся, а слѣдуетъ рѣшать его «вполнѣ согласно» съ существующимъ закономъ; а законъ, какъ мы уже видѣли,—противъ подобнаго образа дѣйствій. Во вторыхъ, примѣръ митрополита Филарета, «мужа знаменитаго не только по уму и глубокимъ богословскимъ

знаніямъ, но и строгаго блюстителя законовъ церковныхъ и гражданскихъ», могъ быть извѣстенъ только лицамъ, близкимъ къ покойному архипастырю, и оставаться неизвѣстнымъ другимъ, епархіальнымъ архіереямъ. А наконецъ, если бы даже и предположить, что случаи присоединенія къ единовѣрію раскольниковъ, числившихся православными, въ Московской епархіи, такъ или иначе, дѣлались извѣстными другимъ епархіальнымъ архіереямъ, они, въ виду прямаго и яснаго закона по этому предмету и опредѣленныхъ предписаній св. синода, все-таки не могли считать этихъ случаевъ обязательными для себя, хотя бы и признавали «голосъ московскаго архипастыря имѣющимъ несомнѣнную важность въ дѣлахъ церковныхъ». Авторитетъ покойнаго владыки былъ такъ великъ и исключителенъ, что онъ могъ иногда, какъ говорится, на свой страхъ, отступать въ своихъ дѣйствіяхъ отъ положительныхъ предписаній св. синода и даже предварять законъ, чего, разумѣется, не могутъ позволить себѣ другіе епархіальные архіереи, голосъ которыхъ не такъ важенъ въ дѣлахъ церковныхъ. А главное — то обстоятельство, на которое г. Субботинъ не обратилъ должнаго вниманія, то, что у преосвященнаго Аполлоса просилъ позволенія перейти въ единовѣріе не раскольникъ, только числившійся православнымъ, а православный, которому, на основаніи указанныхъ нами постановленій св. синода, не можетъ быть дозволенъ переходъ въ единовѣріе ни въ какомъ случаѣ, или, говоря точнѣе, при одномъ только условіи, если онъ уклонится въ расколъ и, не смотря ни на какія увѣщанія, пробудетъ въ немъ не менѣе 10 лѣтъ.

Что же касается власти свѣтской, то обыкновенный способъ рѣшенія ею разсматриваемаго нами вопроса состоялъ въ томъ, что просьбы православныхъ, обратившихся въ расколъ и затѣмъ изъявившихъ желаніе присоединиться къ единовѣрью, оставлялись ею «безъ всякаго производства и отвѣта». Такъ именно Высочайше повелѣно было поступить въ 1834 году, по поводу представленія нижегородскаго военнаго губернатора о томъ, что помѣщичій крестьянинъ Княгининскаго уѣзда Андрей Саленкинъ, отступившій въ недавнее время отъ православія въ старообрядчество, просилъ о присоединеніи его съ семействомъ къ единовѣрческой церкви. Причина, по которой свѣтская власть дѣйствовала въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу такъ уклончиво и нерѣшительно, состояла въ томъ, что съ одной стороны она не хотѣла дать «примѣра явнаго дозволенія правительства уклоняться кому бы то ни было отъ православной церкви, хотя бы къ единовѣрческой», съ другой—не желала «рѣшительнымъ отказомъ присоединяться къ единовѣрческой церкви подать поводъ раскольникамъ разглашать, что правительство отдѣляетъ единовѣрческую церковь отъ православной и тѣмъ колебать единовѣрцевъ» (Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 151). Правда, бывали примѣры, когда свѣтское правительство позволяло присоединять къ единовѣрью уклонившихся изъ православія въ расколъ, какъ на примѣръ поступило оно въ 1857 году, позволявъ крестьянину Архангельской губерніи Степану Миронову и сыну его присоединиться къ единовѣрью; но—опять потому только, что, по сдѣланной о Мироновѣ справкѣ, оказалось, что, онъ отпалъ отъ

православной церкви въ расколъ въ 1844 году (Тамъ же стр. 659—660), т. е. пробыль въ расколъ болѣе 10 лѣтъ. Что же касается вообще этого вопроса, то свѣтская власть не желала, или даже запрещала, возбуждать его. Когда въ томъ же 1857 году доведено было до свѣдѣнія Государя Императора представлѣніе начальника Архангельской губерніи о встрѣченномъ имъ затрудненіи «въ точномъ исполненіи положеній комитета министровъ надъ такими раскольниками, которые, отпавъ отъ православія, пожелаютъ обратиться къ св. церкви на правилахъ единовѣрія», Его Величество, 15 апрѣля того же года, Высочайше повелѣть изволилъ: «не входить въ разсмотрѣніе, слѣдуетъ ли допустить, какъ общую мѣру, свободный переходъ къ единовѣрью лицъ, уклонившихся изъ православія въ расколъ». Такимъ образомъ, и по смыслу закона гражданскаго, переходъ въ единовѣріе изъ православія не можетъ быть дозволенъ ни въ какомъ случаѣ, и такого «правила» относительно этого вопроса, какое указываютъ Московскія вѣдомости, повторяемъ, мы не знаемъ.

Впрочемъ, если бы переходъ православныхъ въ единовѣріе состоялъ только въ перемѣнѣ обрядовъ и книгъ исправленныхъ на обряды и книги, не чуждые погрѣшностей, это обстоятельство еще не могло бы служить особенно важнымъ препятствіемъ къ такому рѣшенію разсматриваемаго вопроса, каково желаютъ Г. Субботинъ и — особенно Московскія вѣдомости. Церковь православная, имѣя въ своихъ храмахъ священныя изображенія Христа Спасителя съ сокращенною надписью: Іс. Хс., позволяя тѣмъ изъ сыновъ своихъ, которые съ дѣтства усвоили себѣ двуверстіе, совер-

шать крестное знаменіе даже при общественномъ богослуженіи двумя, а не тремя, перстами, уполномочивъ своихъ архипастырей отправлять божественную службу въ единовѣрческихъ церквахъ по старопечатнымъ книгамъ со всѣми, принятыми единовѣрцами, обрядами, очевидно, умѣетъ быть снисходительною къ немогущей совѣсти вѣрующихъ и совершенно далека отъ мысли «возводить обрядъ въ существо вѣры, смѣшивать его съ догматомъ и ставить его непремѣннымъ условіемъ единенія съ собою». И если она въ тоже время запрещаетъ православнымъ переходить въ единовѣріе, то поступаетъ такъ не потому, будто она ратуетъ за обрядъ, или единовѣріе считаетъ за «другую церковь, существенно разнящуюся отъ православной», но имѣя въ виду другую, болѣе важную сторону дѣла, которую никакъ не слѣдуетъ опускать изъ вида и которая можетъ вполне достаточно объяснить, почему законодательство наше допускаетъ возможность перехода изъ православія въ единовѣріе только подъ извѣстными условіями и ограниченіями. Дѣло въ томъ, что единовѣріе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ въ настоящее время, далеко не соотвѣтствуетъ той *идеѣ*, какая положена церковію въ его основаніе. вмѣсто того, чтобы считать себя чадами единой православно-каѳолической церкви, «большинство единовѣрцевъ, по сознанію самаго Г. Субботина, считаетъ единовѣріе чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ православной церкви и сравнительно съ нимъ находить въ этой послѣдней разныя несовершенства». Чтобы эта общая мысль была яснѣе, мы укажемъ нѣкоторые частныя примѣры.

Еще при первомъ устройствѣ единовѣрія, Москов-

скіе старообрядцы въ числѣ пунктовъ, поданныхъ митрополиту Платову при прошеніи, помѣстили и слѣдующій: «старообрядческихъ (т. е. единовѣрческихъ) священниковъ не требовать въ грекороссійскую церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ-то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ, по благословенію Вашего Высокопреосвященства, въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборныя моленія; также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя перстами, брады брѣющихъ и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями, выключая Высочайшихъ особъ» (пункт. 5). Выраженія, въ которыхъ Московскіе старообрядцы высказали свою мысль, нельзя не сознаться, довольно мягки и осторожны, но самая мысль ихъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ недвусмысленна, чтобы можно было сомнѣваться въ ея точномъ, оскорбительномъ для православной церкви и ея сыновъ, смыслѣ. А этотъ смыслъ такого рода: обряды, содержимые единовѣрцами, древни, истинны и спасительны; обряды, употребляемые православною церковію, новы, неистинны и.... Мы не договорили. Но кто знаетъ, какое значеніе придаютъ старообрядцы двуперстію и другимъ обрядовымъ разностямъ, существующимъ между расколомъ и православіемъ, тотъ пойметъ, какое слово мы опустили. А послѣ этого съ одной стороны мы находимъ волиѣ справедливымъ отвѣтъ митрополита Платона на указанный пунктъ: «что надлежитъ до недопущенія имъ въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ (святителю, вѣроятно, тяжело было выговорить, что рѣчь шла о православныхъ), на сіе согласиться предосуди-

тельно», — съ другой мы невольно сомнѣваемся въ томъ, чтобы просители «истину» (т. е. истинность, святость) православной церкви «признавали дѣйствительною» (отв. по 1 пункт.), или по крайней мѣрѣ думаемъ, что признавали «истину» церкви не вполнѣ, *не по православному*. Правда, въ 16 пунктѣ они писали: «распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо таковая обосторонняя разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове грекороссійскія церкви въ мѣрѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя святыхъ, соборныхъ и апостольскія церкви». Но, сличая этотъ пунктъ съ 5-мъ, невольно приходишь къ мысли, что онъ — не болѣе, какъ скрытая насмѣшка надъ православіемъ, а не истинное выраженіе мыслей и чувствъ просителей. Въ самомъ дѣлѣ, разглагольствуютъ о мирѣ, любви и соединеніи съ православными, а сами запрягаютъ отъ нихъ двери своихъ храмовъ; требуютъ, чтобы не было распрей, раздоровъ и хулы за содержаніе разныхъ книгъ и обрядовъ, употребляемыхъ при богослуженіи, а сами не пускаютъ своихъ священниковъ на богослуженіе православное; величаютъ себя чадами единыя святыхъ соборныхъ и апостольскія церкви, а когда ведутъ рѣчь о церкви православной, называютъ ее не иначе, какъ только «грекороссійскою» (см. еще пунктъ: 10. 11 и 14). Что же это такое? Ужели подобное единовѣріе составляетъ «единую православную церковь»? Въ чемъ же послѣ этого отличіе его отъ старообрядчества, или точнѣе — отъ поповщины, которая въ большинствѣ своихъ членовъ также всегда признавала

дѣйствительными и таинства и священство православной церкви, такъ какъ не перекрещивала православныхъ, переходившихъ въ расколъ, и принимала къ себѣ (до появленія, такъ называемой, австрійской жеіерархіи) рукоположенныхъ въ православной церкви священниковъ, только не хотѣла быть въ вѣдѣніи у епархіальныхъ архіереевъ и св. синода» (Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 279 — 286, 620 — 623; свес. стр. 111 — 276), на что снисходительно согласились московскіе единовѣрцы? Правда, поповцы, принимая въ свое общество православныхъ, заставляли ихъ отрекаться отъ «никоніанскихъ новшествъ и ересей», а принимая къ себѣ, такъ называемыхъ, бѣглыхъ поповъ, совершали надъ ними, кромѣ того, «исправу»; но вѣдь и московскіе единовѣрцы начала настоящаго столѣтія выговаривали себѣ право принимать на свои моленія только тѣхъ изъ православныхъ, кои рѣшились бы креститься не тремя перстами и не имѣли бы «прочихъ несогласій съ древними обыкновеніями».... А послѣ этого намъ становится понятнымъ, почему митрополитъ Платонъ, отвѣчая на 5-й пунктъ, въ которомъ старообрядцы такъ прямо заявили свое нежеланіе имѣть общеніе въ молитвѣ съ православными, не дозволилъ присоединять къ единовѣрію лицъ, когда либо принадлежавшихъ къ православію. Это была не случайность, вызванная «временными обстоятельствами», какъ думаетъ г. Субботинъ, а горькая необходимость—въ виду того фальшиваго, чисто виѣшняго, положенія, въ какое хотѣли поставить себя къ церкви новыя чада ея.

Къ сожалѣнію, тѣмъ же характеромъ розни и внутренней отчужденности отъ церкви, который такъ

рѣзко высказался въ пунктахъ, поданныхъ московскими старообрядцами митрополиту Платону, отличается единовѣріе и до нашихъ дней. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы, во избѣжаніе упрековъ въ пристрастіи, будемъ ссылаться на такія данныя, противъ которыхъ не можетъ быть возраженій. Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было послано въ разныя губерніи нѣсколько чиновниковъ, и вотъ въ какомъ видѣ нашли эти лица существовавшее въ разныхъ мѣстахъ единовѣріе. «Въ послѣднее время, доносилъ чиновникъ, посланный въ Костромскую губернію, устроены здѣсь единовѣрческія церкви, но онѣ не достигли цѣли: очень рѣдко случалось, чтобы закоренѣлый раскольникъ переходилъ въ единовѣріе, напротивъ православные, зараженные духомъ раскола, непремѣнно присоединяются къ единовѣрію. Единовѣрческія церкви управляются большею частію строителями ихъ, преимущественно крестьянами, или купцами, которые, выдавая отъ себя жалованье единовѣрческимъ священникамъ, держатъ ихъ въ постоянномъ угнетеніи и безпрекословномъ повиновеніи. Поступившіе изъ раскола въ единовѣріе имѣютъ въ виду избѣгнуть этимъ путемъ преслѣдованій мѣстнаго начальства, земской полиціи, или помѣщика; они числятся только единовѣрцами, а на самомъ дѣлѣ остаются въ расколѣ. Въ одной единовѣрческой церкви собирались на молитву не раскольники, а православные. Самый строитель ея, богатый купецъ, только по виду придерживался единовѣрія, а на самомъ дѣлѣ былъ закоренѣлый раскольникъ» (Истор. мин. внут. дѣл. кн. 8, стр. 559 — 560). Въ посадѣ Добря-

къ, Черниговской губерніи, по словамъ обозрѣвавшаго ее чиновника, «многіе изъ давшихъ обязательство принять православное священство уклонились снова въ расколъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ показывалось единовѣрцевъ 251 обоого пола, но изъ нихъ половины не принадлежало къ единовѣрію. Церковь совсѣмъ была пуста, при посѣщеніи ея въ воскресенье изслѣдователемъ: не болѣе 10 человекъ въ ней молилось. Шеломская же единовѣрческая церковь никѣмъ почти не посѣщалась» (Тамъ же, стр. 561—2, снес. стр. 641). Въ Саратовской губерніи «единовѣрцы открыто говорили, что они не допустятъ православнаго епископа къ совершенію литургіи въ ихъ церкви, что они не имѣютъ и не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ единовѣрческими монастырями и не будутъ никогда руководствоваться правилами 1800 г. Въ одномъ мѣстѣ сто человекъ пали на колѣни предъ изслѣдователемъ и жаловались, что ихъ неправильно опубликовали единовѣрцами, что они были и останутся старообрядцами. Въ другихъ мѣстахъ церкви единовѣрческія не посѣщались, а молитвенные раскольничьи дома наполнялись народомъ; многіе изъ единовѣрцевъ не исполняли христіанскихъ обязанностей, не ходили вовсе въ церковь, не призывали къ себѣ священниковъ для исправленія требъ» (Тамъ же стр. 568). По словамъ другаго лица, обозрѣвавшаго Саратовскую губернію, единовѣріе здѣсь сначала шло довольно успѣшно, но «вскорѣ многіе изъ единовѣрцевъ стали совращаться въ прежнее заблужденіе, объясняя, что изъявили желаніе неискренно и во избѣжаніе преслѣдованій духовнаго и гражданскаго начальства. Въ слѣдъ за тѣмъ стали поступать къ мѣстнымъ властямъ

просьбы отъ многочисленныхъ единовѣрческихъ обществъ о дозволеніи имъ снова обратиться къ расколу. Не получивъ по этимъ незаконнымъ просьбамъ удовлетворенія, одни изъ единовѣрцевъ открыто возвращались въ расколъ, другіе, оставаясь по наружному вѣрными единовѣрію, исправляли духовныя требы у раскольниковскихъ поповъ и наставниковъ. Самое единовѣрческое духовенство не всегда было чуждо расколу. Одинъ единовѣрческій священникъ принялъ отъ бѣглаго іеромонаха «исправу» и не допускалъ благочиннаго къ обзорѣнію церкви. Въ другомъ приходѣ единовѣрцы обращались къ бывшему у нихъ священнику за требами до тѣхъ поръ, пока не убѣдились, что онъ состоялъ въ зависимости отъ епархіальнаго архіерея и получалъ отъ него муро; а когда узнали сверхъ того, что онъ не принялъ «исправы» отъ находившагося въ Самарѣ бѣглаго раскольниковскаго попа, то начали его чуждаться и жалобами своими вынудили у мѣстнаго епископа опредѣленіе къ нему другаго священника. Этотъ послѣдній несогласіемъ своимъ принять предложенныя ему, потворствующія расколу, условія возбудилъ негодованіе раскольниковъ (?), которые объявили, что не будутъ обращаться къ нему за требами. Только по убѣжденію благочиннаго приняли этого священника, но за всѣмъ тѣмъ большая часть прихожанъ совершали требы у бѣглыхъ поповъ. Въ одномъ приходѣ единовѣрческій священникъ только при помощи мѣстнаго начальства получилъ помѣщеніе для себя и для совершенія богослуженія, а прихожане его, за исключеніемъ 6 семействъ, отказались ходить къ нему и собирались на молитвы къ мнимому своему полу и помощникамъ

его. Эти прихожане объявили, что дали подписку на принятіе единовѣрія вслѣдствіе угрозъ окружнаго начальника и протоіерея и что согласны принять священника лишь въ такомъ случаѣ, если онъ отречется отъ епископа и будетъ состоять въ завѣдываніи полиціи. Въ другомъ приходѣ одинъ изъ двухъ единовѣрческихъ священниковъ судился за уклоненіе въ расколъ, а другой, бывший бѣглымъ раскольничьимъ попомъ, согласился присоединиться къ единовѣрцію изъ опасенія высылки отъ мѣста жительства, но съ 1843 по 1848 годъ ни разу не былъ въ единовѣрческой церкви, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, а между тѣмъ продолжалъ скротно совершать требы раскольникамъ. Въ одномъ приходѣ, состоявшемъ изъ 2,463 человекъ, немногіе изъ прихожанъ прибѣгали къ своему священнику за требами, большая же часть относилась къ бѣглымъ попамъ. Говорили, что и этотъ священникъ, желая сблизиться съ прихожанами, принялъ исправу» (Тамъ же стр. 574—5).

Впрочемъ, Саратовская губернія, гдѣ единовѣрцы, вѣроятно, помня дѣйствія иргизскихъ монастырей, подвергалъ своихъ священниковъ «исправѣ», была не единственною мѣстностію, гдѣ «сближеніе, или паче соединеніе» а по словамъ г. Субботина, единство, равенство, полное согласіе единовѣрцевъ съ церковію православною основывалось на такихъ началахъ. Были и другія губерніи, гдѣ единовѣрцы также ясно показывали, въ какомъ *единствѣ* находятся они съ церковію, отъ которой получаютъ «благословенное» священство. По свидѣтельству чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, обозрѣвавшего Черниговскую губернію въ 1853 году, и въ этой губерніи были еди-

повѣрческіе священники, которые, разумѣется, по требованію прихожанъ и для угожденія имъ, принимали «исправу» отъ бѣглыхъ раскольническихъ поповъ, какъ бы не довольствуясь рукоположеніемъ, полученнымъ въ церкви. А кто знаетъ, въ чемъ состоитъ эта «исправа», тотъ пойметъ, какъ смотрѣли на православную церковь лица, прибѣгавшія къ такой мѣрѣ. Этотъ взглядъ впрочемъ ясно выразился по одному случаю: когда въ посадѣ Лужкахъ, при поднятіи на колокольню колокола, священникъ вышелъ по окончаніи литургіи съ св. водою для окропленія его, народъ, толпившійся возлѣ церкви, при видѣ священника съ св. водою, бросился въ разныя стороны, чтобы св. вода какъ нибудь не попала на котораго либо изъ нихъ (Тамъ же стр. 641).

Въ такомъ неправильномъ отношеніи къ церкви находилось большинство единовѣрцевъ до начала настоящаго царствованія. Нужно ли прибавлять, что и въ наши дни повторяется таже исторія? Года четыре тому назадъ въ посадѣ С., П. губерніи, отрѣшенъ былъ отъ должности единовѣрческой священникъ, между прочимъ, за то, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не служилъ ни одной литургіи, а все только обѣдницы, хотя прихожанъ своихъ ежегодно отмѣчалъ бывшими у исповѣди и св. причастія. Когда на общемъ собраніи единовѣрцевъ въ ратушѣ былъ предложенъ вопросъ: кого они хотятъ избрать себѣ во священника, послѣдовалъ отвѣтъ: «намъ никого не нужно, мы и къ Н.-то никогда не ходили». Если этотъ отвѣтъ и несовсѣмъ пріятенъ для лицъ, ратующихъ за право свободнаго перехода изъ православія въ единовѣріе, за то совершенно ясенъ. «Въ

Петербургъ, по словамъ г. Субботина, есть едино-
вѣрческій священникъ, поставившій себя задачей под-
держивать сепаративныя стремленія единовѣрцевъ и
въ своихъ сочиненіяхъ (конечно не печатныхъ) дово-
дящій до крайней уродливости страннаго мечтанія объ
устройствѣ единовѣрческой церкви съ самостоятель-
ною іерархіею». А по свидѣтельству издателя «Исти-
ны», пзвѣстнаго ученика о. Павла прусскаго,—Кон-
стантина Голубова, въ Петербургѣ есть единовѣрче-
скій священникъ, который свое пребываніе въ едино-
вѣрїи уподобляетъ пребыванію «въ помойной ямѣ» и
не только не заботится о присоединеніи къ единовѣ-
рїю старообрядцевъ, напротивъ старается отклонять
ихъ отъ этого; и такой взглядъ на единовѣріе, по
словамъ г. Голубова, раздѣляютъ многіе единовѣрцы
(«Истина» кн. 5, 1868 г. л. 32—40). Намъ недавно
разсказывалъ одинъ преосвященный, что, при обо-
зрѣніи имъ епархіи, единовѣрцы пускали его въ свои
храмы, но ни за что не соглашались позволить ему
отслужить въ нихъ. Тоже явленіе замѣчается и въ
другихъ епархіяхъ. Наконецъ, что касается едино-
вѣрцевъ Вятской губерніи, то, какъ показываютъ
имѣющіеся у насъ подъ руками документы, и здѣсь
«чада единыя святыя, соборныя и апостольскія церк-
ви» отличаются тѣмъ же духомъ нерасположенія
къ православію и православнымъ, какой замѣчается
въ единовѣрцахъ и другихъ губерній. Въ январѣ
1868 года Вятскимъ епархіальнымъ начальствомъ
было получено «на зависящее распоряженіе» отно-
шеніе исправляющаго должность Вятскаго губерна-
тора слѣдующаго содержанія: «проживающіе Сара-
пульскаго уѣзда, мостовинской волости, деревни Бо-

рисовой, крестьяне Петръ Мовсеевъ Каменскихъ, съ прочими въ числѣ 12 человекъ, обратились къ начальнику губерніи съ прошеніемъ о дозволеніи имъ пребывать въ расколѣ поповской секты, объясняя, что причиною уклоненія ихъ изъ единовѣрія, въ которомъ состояли они, считаютъ протоіерея саранульской единовѣрческой церкви Василя Шутова, такъ какъ онъ допускаетъ въ единовѣрческую церковь, во время служенія, православныхъ»; хотя, по заявленію начальника губерніи, протоіерей Шутовъ дѣйствовалъ благоразумно въ пользу единовѣрія и только «въ точности исполнялъ свои пастырскія обязанности, дѣйствуя въ духѣ сближенія единовѣрцевъ съ православными». Еще интереснѣе другой документъ, полученный Вятскимъ епархіальнымъ начальствомъ въ 1869 году, въ которомъ прихожане единовѣрческой церкви Омутницкаго завода, приговоромъ отъ 18 іюня 1869 года, просили епархіальное начальство вывести отъ нихъ священника Устюгова по тѣмъ, главнымъ образомъ, причинамъ, что онъ допустилъ женѣ своей и дочери ходить въ церковь въ нѣмецкой одеждѣ и молиться трехперстнымъ крестомъ и вообще позволялъ православнымъ входить въ единовѣрческую церковь, принималъ ихъ ко кресту, грамотныхъ допускалъ на клиросъ и пѣть и проч. (1)

(1) Чтобы понять смыслъ этихъ жалобъ со стороны единовѣрцевъ Вятской губерніи, необходимо припомнить, что, не смотря на отказъ митрополита Платона московскимъ единовѣрцамъ въ правѣ «недопускать на общія ихъ моленія знаменующихся тремя перстами и прочіи имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями», нынѣ, при входѣ въ каждый единовѣрческій храмъ, вывѣшенъ на стѣнѣ листъ, на которомъ «миръ, любовь и соединеніе» единовѣрцевъ съ православными выражены въ слѣдующихъ словахъ: «въ Высочайше утвержденныхъ 27 октября 1800 года пунктахъ изображено (въ 5-мъ): не принуждать

Впрочемъ мы, кажется, беремъ на себя лишній трудъ, стараясь доказать, что единовѣріе, по своему духу и направленію, не только не одно съ православіемъ, а напротивъ во многомъ сходится съ расколомъ. Этого грустнаго факта не отвергаетъ и г. Субботинъ, говоря, что «большинство единовѣрцевъ считаетъ единовѣріе чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ православной церкви и сравнительно съ нимъ находить въ этой послѣдней разныя несовершенства», или другими словами: обряды, содержимыя православною церковію, единовѣрцы считаютъ неправильными до того, что изъ-за нихъ готовы отдѣлаться отъ самой церкви и переходить въ расколъ, т. е. едва ли даже вѣрятъ въ возможность спасенія при этихъ обрядахъ. Мы не беремъ рѣшать здѣсь, отъ чего большинство единовѣрцевъ находится въ такомъ фальшивомъ отношеніи къ православной церкви, — потому ли, что мысль, лежащая въ основаніи единовѣрія, выразилась, по словамъ Московскихъ вѣдомостей, въ полумѣрѣ, которая, какъ и всякая полумѣра, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и лишена силы плодотворнаго дѣйствія, или потому, что большинство старообрядцевъ въ прежнее время присоединялось къ единовѣрію не по искреннему убѣжденію, а въ слѣдствіе

старообрядцевъ (а почему же не единовѣрцевъ?) къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персами, брады брѣющихъ и прочая пьющихъ несогласія древнимъ обычаямъ». Давно ли и на какомъ основаніи появился въ единовѣрческихъ церквахъ такой привѣтъ православнымъ, мы не знаемъ; но знаемъ, что нѣкоторые изъ старообрядцевъ, изъявлявшихъ желаніе присоединиться къ единовѣрію—даже въ ближайшее къ намъ время, право не пускать православныхъ въ единовѣрческіе храмы ставили условіемъ своего единенія съ церковію и получали это право отъ епархіальныхъ архіереевъ (свѣдѣн. о единов. церкв. л. 24 и 47 об.).

вышнихъ давленій, и слѣдовательно самое соединеніе ихъ съ церковію было не внутреннее, а, такъ сказать, механическое,—мы беремъ указанное явленіе просто, какъ фактъ, и на основаніи его считаемъ себя въ правѣ сказать слѣдующее: въ Москвѣ, гдѣ во главѣ современнаго намъ единовѣрія стоятъ такія свѣтлыя личности, какъ настоятель Никольскаго единовѣрческаго монастыря, о. Павелъ Прусскій и его ученики, и гдѣ вообще, по увѣренію людей, знающихъ дѣло, единовѣрцы, за исключеніемъ двухъ—трехъ семействъ, находятся въ правильномъ отношеніи къ церкви,—понятны толки литературы о томъ, можетъ ли быть дозволенъ переходъ въ единовѣріе лицамъ православнаго исповѣданія; но тамъ, гдѣ единовѣріе, по своему духу и направленію, стоитъ ближе къ расколу, чѣмъ къ православію, дозволеніе подобнаго перехода только умножало бы число лицъ, находящихся вдали отъ церкви, а слѣдовательно отъ истины и спасенія. Подобный порядокъ вещей едва ли желателенъ.

Впрочемъ, ссылаясь на законъ и указывая на неправильное отношеніе къ церкви большинства единовѣрцевъ, какъ на причину того, почему законъ, нимало не противорѣча себѣ, запрещаетъ православнымъ переходить въ единовѣріе, мы имѣемъ въ виду въ этомъ случаѣ крайность требованія Московскихъ вѣдомостей, желающихъ, чтобы «изчезъ самый вопросъ о переходѣ изъ православія въ единовѣріе», т. е. чтобы православные могли, безъ всякихъ ограниченій со стороны церкви, дѣлаться единовѣрцами, если того пожелаютъ. Что же касается частныхъ случаевъ, когда напр. изъявляютъ желаніе

перейти въ единовѣріе такія православныя лица, которыя только въ исповѣдныхъ росписяхъ значатся православными, а на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ расколу, то нельзя не сознаться, что могутъ быть обстоятельства, когда дозволеніе такимъ лицамъ принять единовѣріе будетъ единственнымъ средствомъ въ удержанію ихъ въ союзѣ съ церковію; только, по закону и по долгу правды, такое дозволеніе можетъ быть дано не прежде, какъ послѣ самаго тщательнаго разслѣдованія о внутреннемъ расположеніи просителя, т. е. о степени его холодности къ церкви и преданности старообрядству, и послѣ увѣщаній—быть твердымъ въ православіи, и не иначе, какъ съ разрѣшенія св. синода, который, какъ мы уже видѣли выше, не даетъ епархіальнымъ архіереямъ права самимъ разрѣшать присоединеніе къ единовѣрію уклонившихся въ расколъ.

(Окончаніе впереди)